

ЭНВЕРЪ-БЕЙ ПОДЪ ШАРКЮЕМЪ.

Сраженіе съ 21-го по 29-е января 1913 года.

(Воспоминанія русскаго добровольца).

(Окончаніе) ¹⁾.

Дуль с.-в. вѣтеръ, море сильно волновалось. Въ часъ дни вѣтеръ измѣнился и до насъ стали доноситься звуки отдаленныхъ орудійныхъ выстрѣловъ. Мы рѣшили, что это на Булаирѣ наша армія ведетъ бой. Вскорѣ со стороны Ганоса показалась какая-то уродливая баржа, окрашенная въ красный цвѣтъ, съ трубою на кормѣ. Баржа двигалась близко отъ берега, въ разстояніи не болѣе полторы—двухъ верстъ. Кто-то сказалъ, что это должно быть международная баржа для перевозки керосина. Но почему она держится близко берега—никому не пришло въ голову. Потомъ оказалось, что это была морская миноловка.

Въ четыре часа я вернулся въ Ганось, гдѣ засталъ подполковника Протогерова на берегу. Представленное мною кроки мѣстности и планъ ротныхъ участковъ оказались лишними, такъ какъ получено распоряженіе изъ штаба Ополченія о какихъ-то завтрашнихъ передвиженіяхъ (на зимнія квартиры въ Малгара или Ке-

¹⁾ См. «Военный Сборникъ», № 6.

шапъ). Приказаніе было категорическое, и я отправился дѣлать распоряженія для завтрашняго выступленія. Черезъ часъ получилось новое приказаніе, что завтрашнее выступленіе отмѣняется, такъ какъ-де, по всей вѣроятности все Ополченіе поведутъ на Булаиръ.

Въ 8 часовъ новое собраніе дружинныхъ и ротныхъ командировъ. Все-таки рѣшено было выступить 27-го, но по такому маршруту, чтобы держаться ближе къ Св. Іліи. Гдѣ-то, что-то творилось неладное, но въ чемъ дѣло—никто не зналъ.

Въ 10 часовъ еще приказъ: выступить 27-го въ 4 часа утра, по тому же направленію.

Въ 11 часовъ получился послѣдній и ясный приказъ, рисующій обстановку весьма неприятную для насъ: 1) *въ ночь на 26-е января турки произвели десантъ, окружили Шаркію и взяли его большими силами подъ командой Энверъ-Бея. Подъ Булаиромъ идетъ ожесточенный бой. Турки по всей линіи перешли въ наступленіе. Левый флангъ IV арміи обойденъ*; 2) задача Ополченія: *стянуть все ополченіе надъ Шаркіемъ и недопускать прорыва десанта по направленію къ Булаиру.*

Настроеніе у всѣхъ получилось подавленное. Больше молчали, а если говорили, то въ полголоса, точно въ сосѣдней комнатѣ лежалъ опасно больной. Я не спалъ всю ночь. Море сильно бушевало и заливало волнами небольшую набережную подъ моими окнами. Ночь была облачная, темная. Въ морѣ, отъ острова Мармары или съ того Малоазіатскаго берега по направленію къ Шаркію, сновали всю ночь туда и обратно пароходы партіями по 3 по 4 другъ за другомъ. Они были освѣщены фонарями и казались гигантами. Какъ вообще, передъ боемъ я написалъ домой еще одно «*послѣднее*» письмо.

27-го января. Прилепская дружина выступила изъ Ганоса въ 6 часовъ утра. Было темно еще. Дорога шла по рѣкѣ оврага между Такирь-Дагомъ и высотами св. Іліи. Между Юруцами и Я-якіемъ начали встрѣчаться одиночные люди и два семейства грековъ, бѣжавшихъ ночью на 27-е число изъ Шаркія и направлявшихся къ Кестамболу. Они были свидѣтелями вчерашняго боя. Это былъ бой не на животь, а на смерть. Наконецъ, встрѣтили раненаго ополченца, шедшаго безъ ясно опредѣленной цѣли. Послѣ пережитыхъ ужасовъ и страданій онъ съ вчерашняго вечера шелъ одинъ съ своей винтовкой безъ остановки. Осколкомъ гранаты у него былъ сорванъ кусокъ лѣваго плеча и рука, вся потемнѣвшая и по-

крытая густыми слоями застывшей крови, висѣла и болталась безъ перевязки. Кто-то наложилъ на рану марлю и въ этомъ заключалась вся перевязка.

— Тамъ всѣ погибли, говорилъ онъ, а кто остался въ живыхъ, тотъ ночью и пошелъ куда глаза глядятъ, какъ я.

Когда фельдшеръ, по моему приказанію, сдѣлалъ ему перевязку и надѣлъ ему руку на привязь, мы дали ему хлѣба съ сыромъ, онъ подбодрился и наскоро, путанно, сообщилъ печальную исторію вчерашняго дня: утромъ они увидали передъ городомъ массу париходовъ и узнали, что со стороны мыса Бурну движется турецкая пѣхота; ихъ послали въ цѣпь противъ турокъ, но въ 11 часовъ утра съ париходовъ стали стрѣлять и мало кто вернулся живымъ. Стрѣльба шла весь день. Вечеромъ всѣ покинули Шаркію, и онъ двигается все время, ищетъ перевязочный пунктъ.

Намъ надо было спѣшить къ св. Іліи. Когда мы прибыли туда, на плато къ западу отъ возвышенности, тамъ уже стояли нѣкоторыя дружины и горныя батареи, а другія подходили, какъ и мы, къ общему сборному пункту. Былъ уже 2-й часъ дня.

Съ того же мѣста наблюденія, что и 23-го января, предъ нами открывалась такая же чудная панорама, какъ и тогда, но париходовъ, казалось, было безъ числа. Шаркію уцѣлѣлъ, но предъ нимъ очень близко и на протяженіи около 4-хъ—5-ти верстъ стояла масса большихъ и малыхъ военныхъ судовъ, торговыхъ и транспортныхъ морскихъ париходовъ, парусныхъ судовъ, баржъ и лодокъ всевозможныхъ типовъ и размѣровъ. Гребныхъ же лодокъ, снующихъ у самаго берега и между париходами и судами, былъ цѣлый муравейникъ. Въ числѣ причалившихъ къ берегу и отплывающихъ отъ него замѣтны были и нѣсколько десятковъ катеровъ. Центромъ ихъ движенія являлась вновь выстроенная на понтонахъ пристань въ 1½ версты отъ западной окраины Шаркіи.

Происходила выгрузка десанта въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, повидимому, весьма спѣшная.

По расчету нѣсколькихъ охотниковъ, смотрѣвшихъ въ Цейсъ, тамъ въ этомъ хаосѣ судовъ и париходовъ, можно было замѣтить два или три большихъ броненосца, около 10-ти крейсеровъ и около 15-ти миноносцевъ и контръ-миноносцевъ. Торговыхъ же париходовъ насчитывали до 40 штукъ. Большихъ парусныхъ баржъ и судовъ было около 20-ти.

Море неблагоприятствовало десанту. Большія бѣлые барашки сплошными массами гуляли по гребнямъ волнъ. Это одно обстоятельство нѣсколько ободряло насъ.

Неожиданность появленія и успѣха турокъ у Шаркіоя является прямымъ результатомъ недосмотра ближайшихъ частей, почившихъ на лаврахъ предыдущаго успѣха. Хотя мысъ Бурну и находился въ 10-ти верстахъ отъ Шаркіоя, все-таки нужно было поставить для наблюденія за нимъ заставу (если не роту, то во всякомъ случаѣ взводъ) отъ частей Шаркіойскаго гарнизона, хотя бы до прибытія назначеннаго спеціальнаго наряда сторожевого охраненія отъ IV арміи. Но этого не было сдѣлано. Наблюденіе со стороны Шаркіоя не простиралось далѣе двухъ верствъ.

Говорили, что наблюденіе отъ мыса Бурну и до лѣваго фланга IV арміи лежало на заботахъ кавалеріи этой арміи, но почему это не было осуществлено своевременно лежитъ на отвѣтственности штаба генерала Годорова. На мысъ Бурну, правда, прибылъ какой-то кавалерійскій болгарскій развѣздъ (нѣсколько человекъ), но они явились поздно, 26-го января утромъ, развѣ только для того, чтобы удостовѣриться, что тамъ уже находится турецкій отрядъ въ 1.000 чел. вѣхоты и около $\frac{1}{2}$ эскадрона кавалеріи.

Итакъ, десантъ прозѣвали, только благодаря отсутствію связи и должнаго наблюденія. Шаркіойскій гарнизонъ узналъ о немъ почти одновременно съ появленіемъ турецкаго флота, когда тотъ остановился въ разстояніи $1\frac{1}{2}$ версты отъ берега противъ самаго города. Это было въ $9\frac{1}{2}$ часовъ утра. Бывшія тамъ 2-я и 4-я дружины быстро взяли за оружіе и стали окапываться вдоль берега и у окраины города. Но когда слухъ о десантѣ, произведенномъ турками ночью за мысомъ Бурну, оправдался и вдали показались густыя дѣбри, начальникъ гарнизона, капитанъ Каназирскій (командиръ 4-й дружины) развернулъ обѣ дружины въ боевой порядокъ выслалъ 2 роты въ боевую линію и рѣшилъ пойти навстрѣчу туркамъ и атаковать ихъ. Наступленіе необходимо было вести открыто вдоль берега и по ближайшимъ полямъ и виноградникамъ.

Когда эти роты прошли около $1\frac{1}{2}$ —2-хъ верствъ, по нимъ въ 10 час. 45 мин. съ броненосцевъ и другихъ военныхъ судовъ открыли частый огонь. Большая часть выступившихъ изъ города кое-какъ вернулась въ Шаркіой, но одинъ взводъ, спасаясь, залегъ въ имѣвшихся вблизи окопахъ и канавкахъ, откуда никто не спасся, тамъ нашли свою смерть (болѣе 50 чел.). Градомъ гранатъ мѣстность была буквально изрыта до неузнаваемости. Пытавшихся спастись перебѣжками мѣткими снарядами рвало на куски. Турки стрѣляли даже по одиночнымъ людямъ.

Вскорѣ вся окрестность вокругъ Шаркіоя вошла въ зону убій-

ственнаго артилерійскаго огня турецкаго флота, не жалѣвшаго снарядовъ всевозможныхъ калибровъ. Выступившій изъ города выючный обозъ одной дружины былъ перебитъ вмѣстѣ съ лошадьми и вожатыми. Отдѣльные смѣльчаки, пробравшіеся съ донесеніемъ изъ города, замѣчались съ пароходовъ, брались на прицѣлъ и нѣсколькими снарядами отправлялись *ad patres*.

Командиръ 2-й дружины съ своими ротами открылъ огонь съ берега по судамъ, но пули не долетали, а буря артилерійскаго огня по этому берегу быстро заставила его отказаться отъ мысли состязаться съ флотомъ. Около 2-хъ часовъ дня въ разстояніи 2-хъ верстъ отъ западной окраины города турки устроили на понтонахъ переправу-мостъ и большими партіями лодокъ начали выгружать свой десантъ на берегъ. Пришлось остаткамъ обѣихъ дружинъ сосредоточить оборону на западной окраинѣ города, куда приближались уже непріятельскія роты, наступавшія съ мѣста десанта.

Взять городъ, очистить его отъ присутствія болгарскихъ частей, вѣроятно, представляло главной задачей и ночного десанта и всего дня, для плановъ турецкаго отряда, бывшаго на многочисленныхъ пароходахъ и судахъ. Артилерія своимъ огнемъ подготавливала атаку своихъ пѣхотныхъ частей, дѣйствовавшихъ на сушѣ; въ этомъ огнѣ принимали участія и полевая батарея, находяшіеся на палубахъ транспортныхъ судовъ.

Отъ этого огня Шаркіоскій гарнизонъ былъ деморализованъ и матеріально и морально.

Городъ Шаркіой былъ отрѣзанъ отъ міра и переживалъ послѣдніе адскіе часы знаменитаго 26-го января. Въ нѣсколькихъ домахъ снарядами посрывало части крышъ. Два или три дома горѣли. Въ другихъ снаряды производили бреши и обвалы въ стѣнахъ. Населеніе переживало ужасную панику!

День кончался, точно и онъ усталъ отъ пережитыхъ ужасовъ!

Турки сплошными цѣпями приближались къ городу, но Скопская и Битольская дружины были еще живы и по своему македонскому обычаю или характеру рѣшили погибнуть до одного, но не сдаваться туркамъ въ руки. Они расположились на западной окраинѣ города и ведутъ ружейный бой съ наступающимъ противникомъ. Временами они прекращаютъ стрѣльбу, чтобы ближе подпустить непріятеля и снова огорошить его новымъ ураганнымъ огнемъ на близкомъ разстояніи.

Несмотря на огромныя потери, турки все-таки идутъ въ цѣпки. Но силенъ духомъ ихъ врагъ; не имѣя ножей, македонскіе юнаки идутъ въ контръ-атаку «на ножъ» и опрокидываютъ противника.

Уже 6 часовъ вечера. День догораетъ. Ошеломленные турки отступаютъ на 100 шаговъ, но—поддержанные, подталкиваемые своими резервами, снова неистово кидаются въ штыки. У изгороди и воротъ, во дворахъ и садахъ идетъ отчаянная рукопашная, стихійная схватка, бьются стволами и прикладами, вырываютъ изъ рукъ винтовки и ими же укладываютъ противника.

Турки не выдерживаютъ сопротивленія, снова отступаютъ и съ 300 шаговъ открываютъ частый ружейный огонь.

Спустилась темная южная ночь и накрыла бой 26-го января подь Шаркіюемъ.

Дружинамъ былъ данъ приказъ отступать. Пользуясь темнотою, отдѣльными группами и въ одиночку, кто какъ могъ, по кривымъ улицамъ, болгары стали покидать городъ, двигаясь въ разсыпную въ разныя стороны, главнымъ образомъ направляясь къ высотамъ св. Іліи. Они уже не борцы, они деморализованы самой обстановкой. Десятки прожекторовъ озаряли городъ и его окрестности. Приходилось пробираться скрытно по канавамъ, складкамъ мѣстности и садамъ. Также спасаясь, бѣжали изъ Шаркіюя и нѣсколько сотъ жителей. Вотъ что мы узнали на сборномъ мѣстѣ днемъ 27-го января отъ самихъ участниковъ боя вчерашняго дня! Они были изнуренные, голодные и окровавленные. Дружины не досчитывались половины своихъ людей. Убитые лежали на мѣстахъ принятія смерти. Относительно тяжело-раненныхъ никто ничего не могъ сказать. Они остались на перевязочномъ пунктѣ въ центрѣ города въ одной кофейнѣ. Во время отступленія тяжело-раненый въ ногу осколкомъ гранаты поручикъ Бояджіевъ, командиръ роты Битольской дружины пустилъ себѣ пулю въ лобъ, чтобы не попасть въ руки туркамъ. Бывшимъ около него своимъ солдатамъ онъ передалъ сто «наполеондоровъ» для роты на поминъ души. Участь оставшихся раненыхъ внушала у всѣхъ опасеніе.

Въ Меріюфтѣ и Арапли, въ Каламицѣ и Штернѣ стояли точно скованныя три дружины и смотрѣли на Шаркіюйскую бойню, не будучи въ состояніи оказать какую бы то не было помощь тамошнимъ борцамъ. Все это обрушилось такъ неожиданно, въ такой ужасной формѣ, что исключало возможность даже думать о какихъ либо дѣйствіяхъ. Самъ генераль Генеувъ съ штабомъ наблюдалъ съ Штерна и Арапли на ходъ событій 26-го января и ожидалъ развязку ихъ, чтобы принять соотвѣтствующее рѣшеніе. Онъ съ трудомъ вошелъ въ связь съ IV арміей, откуда получались требованія стянуть разбросанное ополченіе и не допускать прорыва турокъ.

Когда всѣ дружины прибыли на сборный пунктъ 27-го января, они были постепенно отведены къ сторонѣ Гюльчука, такъ сказать, къ центру горной подковы св. Илія—мысль Бурну. Тамъ онѣ расположились за хребтами на иочлегъ, по-бригадно. По распоряженію штаба IV арміи, еще отъ 25-го января, предполагались большія перемѣщенія. Македоно-одринское ополченіе дѣйствительно предназначалось за Малгара, а на смѣну ему и для занятія берега отъ Шаркіоя до Кулибага шель 26-й пѣх. полкъ изъ Малгара. 26-го января рано утромъ изъ Меріюфте, Каланица, Штерна и Ченгерли выступила вся 2-я бригада и въ ночь на 27-е ночевала въ одномъ переходѣ по пути въ Малгара въ деревняхъ Болгуръ, Саклы, Бунакъ, Емерли, Букурово. 2-я бригада была возвращена на общій сборный пунктъ.

Ночь на 28-е января была холодная, морозная. Хотя и было грѣшно, но всѣ дружины развели костры вокругъ и между ротами бивачнаго расположенія. Вечеромъ дружины и батареи получили приказъ о занятіи участковъ на слѣдующее утро. Рѣшено было офѣнить Шаркіой. Выступать въ 6-мъ часу утра.

Турки съ 2-хъ часовъ дня 26-го января, непрерывно и усиленно высаживали свои войска съ пароходовъ на берегъ Шаркіоя, но, ошеломленные упорствомъ двухъ дружинъ, не воспользовались обстановкой и слишкомъ осторожно подвигались впередъ, ограничившись въ теченіе двухъ сутокъ только возведеніемъ частыхъ полевыхъ окоповъ въ разстояніи не болѣе 2—3 верствъ отъ окраинъ Шаркіоя. Они сдѣлали огромную ошибку, не занявъ съ мѣста командующія высоты съ чудными естественными позиціями, что при отсутствіи болгарскихъ войскъ 26-го января было для нихъ совершенно легко.

28-го января: согласно приказа, всѣ три бригады Македоно-одринскаго ополченія, пользуясь поднявшимся съ долинъ туманомъ, выступили со своихъ биваковъ и въ 7 часовъ утра незамѣтно заняли опредѣленные имъ участки въ слѣдующемъ порядкѣ:

Лѣвый боевой участокъ: 1-я бригада, какъ ослабленная боемъ 26-го числа, предназначалась для демонстраціи со стороны Арапли. Ей приданы были двѣ нескорострѣльныхъ горныхъ батареи (всего—12 орудій).

Правый боевой участокъ: 2-я бригада съ двумя скорострѣльными горными батареями (8 оруд.), обойдя высоту 478, вела наступленіе на Шаркіой, съ запада, правѣе оврага Гайтанъ-дере.

Общій резервъ: 3-я бригада стала на высотѣ 478 надъ огром-

нымъ оврагомъ Гайтанъ-дере, спускающимся къ мысу Бурну, въ общій резервъ (*маневрирующая часть боевого порядка*—по болгарскому полевому уставу). Къ ней были приданы двѣ нескорострѣльныхъ батареи (12 оруд.).

Кромѣ этихъ боевыхъ участковъ были еще слѣдующіе:

Крайній лѣвый, состоящій изъ одной (12-й) дружины съ одной нескорострѣльной батареей (6 ор.). Задача — охранять лѣвый флангъ со стороны Хора и Ганоса.

Крайній правый: для наступленія со стороны высоты 385 надъ мысомъ Бурну на Шаркію. Онъ долженъ былъ состоять изъ бригады 3-й Фракійской дивизіи, спѣшившей къ намъ на помощь изъ района Малгора, съ пулеметами (по болгарски *картечницами*) и полевой скорострѣльной батареей, но эти части 28-го января такъ и не прибыли. Прибыли только 2 баталіона 9-го Пловдивскаго полка.

Начальникъ ополченія, генералъ Геневъ съ своимъ штабомъ находился при общемъ резервѣ.

Развѣдка выяснила, что турки занимаютъ густыми цѣпями свои передовые ложементы и опорные пункты. Въ началѣ 8-го часа утра 28-го января со стороны Арапли послышалась первая ружейная стрѣльба, которая постепенно стала расширяться и учащаться. Первая бригада отгоняла предъ собою непріятельскія сторожевыя части. Вскорѣ послѣдовали орудійные выстрѣлы съ турецкихъ судовъ. Повидимому, турки замѣтили движеніе нашихъ частей, но судя по мѣстамъ разрывовъ ихъ снарядовъ, стрѣльба велась безъ определенной цѣли, безъ системы. Снаряды разрывались то тутъ, то тамъ въ разныхъ направленіяхъ.

Внизу по холмамъ шла ужасная трескотня частаго ружейнаго огня, охватившаго весь полукругъ нашего боевого порядка, отъ лѣваго фланга 1-ой бригады до праваго фланга 2-й бригады, противъ мыса Бурну. Орудія безъ умолку посылали свои гудящіе снаряды, разрывы которыхъ усиливали общій громъ и хаосъ боя. Около 8½ часовъ утра со стороны Арапли послышалась стрѣльба нашихъ нескорострѣльныхъ орудій.

Разгорался бой, непосильный для нашего малочисленнаго отряда. Помощи все еще не было ни откуда. А тамъ на морѣ катера и лодки непрерывно сновали между пароходами и пристанью, высаживая на берегъ новыя партіи пѣхоты. Весь берегъ былъ усѣянъ точками, которыя передвигались и группировались въ маленькія и большія кучки. Въ бинокль ясно и опредѣленно видно было, какъ

эти кучки послѣдовательно увеличивались, принимали правильныя формы, вытягивались въ линіи и двигались по направленію къ намъ и въ сторону мыса Бурну. Эти линіи отвѣчали длинѣ ротъ и баталіоновъ, которые съ небольшими дистанціями слѣдовали одна за другой. Тогда же я набросалъ рисунокъ до нѣкоторой степени изображающій видѣнное биноклемъ Цейсса утромъ 28-го января. Съ правой стороны у Шаркіоя замѣтно мѣсто высадки и положеніе движущихся колоннъ на голомъ песчаномъ скатѣ близняго къ берегу длиннаго холма. Это были турецкіе резервы, впереди которыхъ дѣйствовали роты и баталіоны боевыхъ линій. Турецкіе таборы (баталіоны) безусловно превышали численностью наши дружины.

Въ 9 часовъ изъ нашего резерва была выслана 2-я Сѣрская дружина для занятія интервала, образовавшагося между первой и 2-й бригадами.

Стрѣльба съ судовъ и оружейная на сушѣ усиливалась и принимали стихійный характеръ.

Въ 10 часовъ утра генераль Геневъ получилъ донесеніе, что по Гайтанъ-дере наступаютъ двѣ турецкихъ роты и движутся къ намъ.

— Послать одну роту и прогнать ихъ, что они тамъ! спокойно приказалъ генераль командиру 3-й бригады, подполковнику Протогерову.

Исполненіе было возложено на 10-ю Прилепскую дружину. Я отправилъ давно ожидавшую очередь 3-ю роту (подпоручика Касперовича) съ русскимъ ²⁾ взводомъ; рота двинулась по сторонамъ оврага Гайтанъ-дере по полуротно. Стоявшая на позиціи надъ оврагомъ нескорострѣльная батарея послала передъ ротой нѣсколько выстрѣловъ по оврагу.

Около 11 ч. утра изъ за гребня ближайшей справа отъ насъ горы показались сначала дозоры, а потомъ колонны давно ожидаемаго 9-го пѣхотнаго болгарскаго полка. Привычное у болгаръ для выраженія всякихъ восторговъ и при встрѣчахъ «*ура!*» огласило воздухъ и съ нашей и со стороны 9-го полка. Два баталіона этого полка шли всю ночь, не переставая. Солдаты и офицеры были слишкомъ утомлены. Послѣ небольшого отдыха, назначеннаго больше для подхода отставшихъ, баталіоны, по мѣрѣ прихода, стали спускаться по направленію къ мысу Бурну, чтобы занять правый участокъ боевой линіи, гдѣ и чувствовалась ниша слабость. По ввѣдѣ баталіоновъ 9-го полка въ боевую линію, положеніе наше значительно улучшилось.

²⁾ Въ числѣ добровольцевъ—извѣстный армянскій дѣятель Андроникъ.

Дисциплина огня и мѣткость стрѣльбы сразу обратили вниманіе турецкой флотской артилеріи, которая усилила свой огонь на нашъ правый флангъ. Впрочемъ на этомъ флангѣ съ 9 ч. утра было для турокъ непокойно. Наша горная батарея пристрѣлялась къ ихъ окопамъ, и турки постепенно стали очищать свои опорные пункты. На лѣвомъ флангѣ одно время, около 11 ч., 1-й бригадѣ приходилось туго. Непрiятель удвоенными силами, около 7 баталіоновъ, силился атаковать четыре дружины, но сосредоточенный огонь нескорострѣльныхъ батарей и всѣхъ четырехъ дружинъ два раза отбилъ ихъ атаки.

Вообще же приходящія къ генералу донесенія были успокоительныя. Съ высоты 478, откуда наблюдали за боемъ все утро генераль Генеувъ и его штабъ и офицеры и штабъ 3-й бригады, уже давно всѣ спустились за хребтомъ и спокойно отдыхали. Результаты боя, развязку, сказалъ мнѣ начальникъ штаба майоръ Дервинговъ, надо ждать къ 4-5 часамъ вечера. Тамъ за Гайтанъ-дере сюрпризовъ не ожидали. Все налаживалось, какъ нельзя лучше, точно шли маневры гдѣ нибудь подь Москвою. И дѣйствительно, держа лучшія командующія высоты въ своихъ рукахъ, болгары были обезпечены отъ всякихъ случайностей. За правымъ флангомъ берегъ былъ отвѣсенъ и высокъ, скалы упирались въ море. Противникъ же былъ весь передъ нами, какъ на ладони.

Около полудня прибыла наша «*прехрана*» (продовольствіе). Ополченцы и офицеры стали закусывать. Немного поодаль, пониже, даже горѣлъ костеръ, вокругъ котораго сидѣли офицеры штаба 3-й бригады. Нѣкоторые ополченцы даже дремали. Генераль Генеувъ прохаживался по дорожкѣ ниже 10-й дружины. Вообще же тамъ, на полѣ сраженія, бой принималъ монотонный характеръ, шель, какъ заведенная машина. Въ резервѣ, вѣроятно, люди, видавшіе сраженія, всегда чувствуютъ себя какъ дома и отъ скуки, потому, что дѣлать нечего, отдыхаютъ, лежатъ или просто спятъ до того момента, когда и до нихъ дойдетъ очередь двигаться и дѣйствовать.

Такъ было и въ резервѣ подь Шаркіоемъ.

Участившаяся особенно-характерно артилерійская стрѣльба около 12-ти часовъ дня, заинтересовала меня и я съ адъютантомъ, учителемъ математики Каранфиловымъ, поднялись на хребетъ по-смотреть, что тамъ дѣлается и почему пошла такая ужасная стрѣльба. Мы наблюдали съ полчаса. Картина была та же. 1-я бригада значительно подвинулась впередъ, что можно было заключить по су-

стившимся выстрѣламъ, раздававшимся гораздо ниже, чѣмъ въ началѣ. Около пристани копошились новыя точки и кучки, а по песчаному берегу и по скату бѣлаго холма двигались новыя турецкія роты и баталіоны.

Вдругъ надъ ними, надъ колоннами, двигавшимися по скату этого бѣлаго холма, показались синевато-бѣлые дымки, одинъ за другимъ, разсѣянно. Колонны останавливались, затѣмъ быстро превращались въ точки, рассыпались кучками и двигались впередъ и въ стороны, затѣмъ снова нарастали въ болѣе крупныя кучки, снова послѣ дымковъ рассыпались въ точки и въ такомъ видѣ поворачивали обратно по направленію къ Шаркію. Шедшія за ними колонны также рассыпались и мѣняли направленіе въ обратную сторону, но бѣлые дымки не оставляли ихъ въ покоѣ и показывались все время надъ ихъ головами. Новыя роты сами возвращались назадъ. Видно было, что наступаетъ критическій моментъ, у непріятеля былъ переполохъ. Дымки же все подходили ближе и ближе, пока, наконецъ, дошли до самой пристани. Надъ пристанью, надъ густыми точками, надъ лодками и катерами, непрерывно показывались и исчезали въ воздухѣ, быстро мѣняясь, новыя бѣлые дымки.

Получилась чудная картина! Я послалъ прыгавшаго на мѣстѣ отъ радости Каранфилова доложить генералу Геневу, что наша артилерія растрѣливаетъ турецкія колонны, но не выдержалъ и вскорѣ самъ пустился внизъ поздравить генерала и товарищей съ блестящей побѣдой. Генералъ, выслушавъ Каранфилова, быстрыми шагами сталъ подыматься на хребетъ. Я подбѣжалъ и, полный радости и счастья, сталъ поздравлять его. Отъ него я подбѣжалъ къ бригадному командиру и тоже поздравилъ его со штабомъ. Всѣ двинулись на хребетъ и пожимали другъ другу руки.

Но насъ ожидало еще большее очарованіе: весь флотъ и пароходы съ лодками и парусными судами стали медленно удаляться отъ берега. Мы пережили самыя торжественныя минуты въ своей жизни.

Бѣлые дымки продолжали клубиться надъ пристанью, мѣстомъ высадки; нѣсколько лодокъ пошли ко дну. Море постепенно очищалось на разстояніи 4—5 верстъ отъ берега. Крейсера съ броненосцами и всѣми транспортными судами, потрясенные неожиданностью появленія дымковъ, заблагодарасудили ретироваться на приличную дистанцію, чтобы не попасть подъ ихъ дѣйствіе. Эта неожиданность заставила ихъ забыть на время высаженныхъ на

сушу сотоварищей, бросивъ ихъ, такъ сказать, на произволь судьбы. Вотъ картина измѣнившагося положенія послѣ обѣда.

А эту неожиданность создала пробравшаяся по мертвымъ пространствамъ одна изъ скорострѣльныхъ горныхъ батареекъ 2-й бригады на разстояніе около 3-хъ верстъ до мѣста высадки десанта, удачно поймала дистанцію и въ теченіе трехъ часовъ разстрѣляла до послѣдняго патрона, перенося огонь, гдѣ только замѣчала какія-нибудь группы турокъ Батареей командовалъ поручикъ Матовъ.

Напрасно отошедшія бронированныя турецкія суда стали искать эту батареюку, посылая на нашъ правый флангъ снопы снарядовъ всѣхъ имѣвшихся калибровъ. Эти снаряды не причиняли особаго вреда ни батареѣ, ни пѣхотѣ, хорошо закрытымъ складками мѣстности. Судовая артилерія положительно неистовствовала своимъ огнемъ, доходя до смѣшного. Дѣло доходило до того, что на одномъ изъ броненосцевъ поднимался большой красный съ полумѣсяцемъ флагъ и быстро спускался внизъ на палубу. Это служило сигналомъ для открытія огня. Вы не повѣрите, что при опусканіи этого флага со всѣхъ 20-ти съ лишнимъ военныхъ судовъ слѣдовалъ общій бортовой залпъ. Земля и воздухъ буквально содрогались отъ этихъ залповъ. Если же возьмете во вниманіе, что мѣстность пересѣчена высокими горами, то можете себѣ представить, какое впечатлѣніе получалось отъ эха и разрывовъ выпущенныхъ снарядовъ. Вреда намъ такая стрѣльба, конечно, не могла причинить. Да и вообще изъ Шаркіойскаго дѣла можно сдѣлать положительный выводъ, что флотъ для пѣхоты безвреденъ, если есть хоть какой-нибудь волнистый берегъ. Вѣдь отъ выстрѣла, что отчетливо замѣтно по огненнымъ языкамъ и клубу дыма послѣ выстрѣла, до прилета снаряда проходитъ достаточно времени, чтобы спрятаться за хребтомъ или окопомъ. Конечно, иной случайный снарядъ возьметъ свое и унесетъ много жертвъ, но этого, вѣроятно, не было дано флоту Энверъ-бея.

Ружейная стрѣльба не прекращалась, она шла все время частая, непрерывная и, по звукамъ трескотни, видно было, что кольцо наше постепенно суживается къ Шаркіюю. Одно время заработали и застучали пулеметы 9-го полка. Въ 3^{1/2} часа дня слѣдовали нѣсколько отчетливыхъ, выдержанныхъ залповъ.

— Русскіе залпы! Касперовичъ сталъ дѣйствовать! въ одинъ голосъ заговорили въ резервѣ. Болгары не вѣрятъ залпамъ, предпочитая одиночный ураганный огонь или опредѣленнымъ числомъ патроновъ (для поддержанія въ частяхъ дисциплины огня).

Въ 4 часа передвинули насъ на 2 версты ниже, по оврагу Гайтанъ-Дере, гдѣ мы простояли до сумерокъ. Около 5 часовъ вечера привезенъ былъ хлѣбъ. Мы отправили 3-й ротъ 27 караваевъ и 10 лошадей для доставки раненыхъ. Хлѣба было слишкомъ мало, а лошадей много, такъ какъ въ ротѣ оказался одинъ тяжело раненый, а двое легко раненыхъ остались послѣ перевозки въ строю.

Начинало темнѣть. Ружейна стрѣльба постепенно замолкала, ослабѣвала. Бой кончался. Донесенія приходили самыя радостныя. 1-я бригада (лѣвый участокъ) подошла близко къ Шаркюю, турки всюду отступаютъ. Большинство ихъ садится въ лодки на набережной, закрытой домами и недоступной нашимъ горнымъ батареямъ. Другая половина турокъ укрыта за высокимъ холмомъ близъ устьевъ Гайтанъ-Дере и садится въ лодки. До нихъ также большое разстоянiе, но отъ запозданiя бригады 2-й дивизiи, крайнiй нашъ правый (береговой) флангъ, сильно обстрѣливаемый флотомъ, оставался все время свободнымъ.

Турки освѣтили мѣстность прожекторами съ пароходовъ и, въ темнотѣ между снопами ослѣпительнаго свѣта, продолжали усиленную перевозку обратно съ берега на транспортные суда. Артиллерiя съ крейсеровъ и миноносцевъ продолжала сѣять свои снаряды въ наступившую темноту прямо въ пустую. Послѣднiй выстрѣлъ былъ сдѣланъ ею въ 10 часовъ вечера. По подсчетамъ турки въ этотъ день выпустили около 3.000 снарядовъ разнаго калибра. Результаты 5 убитыхъ и 36 раненыхъ и то больше ружейными пулями. Одинъ ротный командиръ праваго участка былъ буквально засыпанъ (накрытъ) землей разорвавшимся въ 6 шагахъ большимъ снарядомъ и вылѣзъ изъ подъ земли невредимымъ.

Насъ, IX и XI дружины, еще въ 7 час. вечера вернули за высоту 478, гдѣ мы расположились на ночлегъ. Роты боевыхъ линiй остались ночевать на занятыхъ ими позицiяхъ, внизу, въ 1¹/₂—2 верстахъ отъ Шаркюя. 1-я бригада почти вплотную подошла съ востока къ городу и въ 9 часу высланные охотники вступили въ городъ, захвативъ въ плѣнъ одного нижняго чина, который былъ доставленъ къ генералу Геневу. Онъ разсказалъ, что десантъ съ Энверь-беемъ былъ взять съ С.-Стефано. Это X анатолийскiй армейскiй корпусъ. Въ часъ ночи вернулась къ намъ и 3-я рота съ русскимъ взводомъ, весьма довольнымъ, что онъ принялъ участiе въ знаменитомъ Шаркюйскомъ бою. Ночь была морозная, шелъ снѣгъ, на бивакѣ горѣли сотни костровъ изъ обильнаго мѣстнаго смолистаго кустарника и молодого дубняка.

29-го января. Утромъ 29-го января на морѣ, въ 5—6 верстахъ

отъ берега стали только четыре крейсера. Простоявъ до 12 ч. дня и они ушли по направленію Галиполи. Турки ночью успѣли перевезти всѣхъ своихъ на пароходы, оставивъ не убранными около 30 труповъ и разстрѣленныхъ ими же нѣсколько десятковъ лошадей. Шаркію былъ очищенъ ими еще въ полночь и занятъ цѣлою ротою 1-й бригады, а на другой день утромъ его заняли тѣ же двѣ дружины (Битольская и Скопская), которыя своимъ героизмомъ помѣшали Энверъ-бею осуществить планъ дѣйствій.

Вотъ что мы нашли, видѣли и слышали отъ злосчастныхъ жителей Шаркію.

1) Послѣ взятія города турками на развѣтъ 27-го января, они входили въ дома и магазины и подъ предлогомъ поисковъ болгаръ, стали съ мѣста производить свои обычныя безчинства: насилія, грабежи и убійства. Въ домахъ, на улицахъ и площадяхъ лежали зарѣзанные и умершіе отъ колотыхъ ранъ въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ со слѣдами звѣрскаго изуверства и дикаго глумленія. Всѣ женщины и дѣвушки, даже подростки, были обезчещены солдатами Энверъ-бея на глазахъ ихъ мужей и родителей. Нѣкоторыя изъ нихъ были потомъ убиты и положены въ безобразныхъ позахъ. Нѣкоторыя же были такъ измучены многочисленными истязаніями, что лежали безъ сознанія или же не были въ состояніи двигаться.

Чтобы судить какому ужасу подвергался Шаркію, достаточно указать на слѣдующій фактъ, занесенный, какъ всѣ приводимыя описанія, въ протоколъ, составленный 30-го января штабомъ генерала Генева и представителями города. Хозяинъ дома, въ которомъ остановился самъ Энверъ-бей со штабомъ своимъ, богатый мѣстный негоціантъ, умолялъ слезно Энверъ-бея, именемъ Аллаха, неоднократно просилъ дать нѣсколькихъ солдатъ, чтобы привели старика его отца, спрятавшагося въ магазинѣ, такъ какъ онъ опасается за его жизнь. Энверъ-бей каждый разъ отвѣчалъ, что онъ ничего не можетъ сдѣлать для него, такъ какъ не въ состояніи удержать разсвирѣпѣвшихъ солдатъ. Никакія мольбы и слезы не могли подѣйствовать на носителя знамени «*единеніе и прогрессъ*». Сидѣвшій тутъ же полковникъ иностранецъ (нѣмецъ ²), на обращеніе хозяина помочь его горю, заступиться за его отца, долго отмалчивался и, наконецъ отвѣтилъ, что въ чужія дѣла онъ не можетъ вмѣшиваться. 29-го января утромъ негоціантъ нашелъ отца зарѣзаннымъ, а магазинъ разграбленнымъ.

²) По словамъ жителей-очевидцевъ, въ штабѣ Энверъ-бея было восемь германскихъ офицеровъ.

2) Послѣ всего сказаннаго ясно станеть сама по себѣ участь тяжело раненыхъ, оставшихся на перевязочномъ пунктѣ, въ кофейнѣ на одной изъ центральныхъ площадей Шаркіоя. Всѣ они погибли до одного. Погибли геройскою смертію. Изрѣшетенныя пробоинами окна, двери и стѣны въ кофейнѣ, пробоины на ихъ тѣлахъ, осколки разорвавшихся передъ кофейней ручныхъ гранатъ, типа нашего ополченія, обильныя пробоины на противоположныхъ, черезъ площадь, стѣнахъ, дверяхъ и окнахъ, а равно застывшая кровь на камняхъ площади, все это свидѣтельствовало о жестокомъ сраженіи защитниковъ перевязочнаго пункта, на которомъ грустно развѣвался большой флагъ «Краснаго Креста». Въ кофейнѣ лежало 43 трупа, но они были такъ изуродованы, что походили скорѣе на тѣла анатомическаго театра, а не павшихъ въ бою героевъ. Полъ былъ буквально залитъ слоями застывшей крови. На полу валялись отдѣльно отъ туловищъ головы, руки и ноги, забинтованныя въ предыдущій день на перевязочномъ пунктѣ. Озвѣрѣвшіе «побѣдители» Энверь-бея дали полную волю своимъ кровожаднымъ инстинктамъ.

Трагедія перевязочнаго пункта, участь котораго должна преслѣдовать всю жизнь отвѣстныхъ лицъ гарнизона Шаркіоя, 26-го января, подняла въ свою очередь на высокій пьедесталъ героизма единственную въ Македоно-одринскомъ ополченіи сестру милосердія, болгарку изъ Хаскова, Марію Колеву, женщину 45 лѣтъ. Въ то время, когда весь медицинскій персоналъ въ паникѣ спѣшно покинулъ вмѣстѣ съ дружинами городъ, бросивъ на произволъ судьбы раненыхъ, она одна до 12 час. ночи перевезла на своей лошаdkѣ съ перевязочнаго пункта 11 человекъ раненыхъ и образовала отдѣльный свой перевязочный пунктъ близъ Арапли.

Марія Колева за спасеніе 11 раненыхъ съ рискомъ для своей жизни награждена знакомъ отличія ордена «За храбрость» III степени. IV степень она получила за Узунъ-Хемитлерское сраженіе 6-го и 7-го ноября 1912 года, гдѣ личной храбростью въ цѣли подбирала стрѣлковъ и перевязывала раненыхъ.

За упорную геройскую оборону Шаркіоя 26-го января 1913 г., недопустившую Энверь-бея съ отрядомъ соединиться въ этотъ день съ Галиполійскою арміею Тургутъ-паши, 2-й Скопской и 4-й Битольской дружинамъ объявлена высочайшая благодарность царя Фердинанда по болгарской арміи.

Изъ собранныхъ свѣдѣній, высадившихся на берегъ Шаркіоя до 28-го января войскъ Энверь-бея было около 10.000, исключи-

тельно пѣхоты и одинъ эскадронъ кавалеріи. Благодаря волновавшемуся морю туркамъ нельзя было спустить на сушу ни одного полевого орудія. Также затруднена была перевозка лошадей. За мысомъ Бурну на берегу лежала пробитая о камни понтонная лодка, доказывающая, что пунктъ для десанта былъ выбранъ неудачно.

Потери Македоно-одринскаго ополченія съ 21-го до 29-го января: убитыми 2 офицера и 145 н. ч. ополченцевъ. Убитые въ бою и на перевязочномъ пунктѣ похоронены въ братской могилѣ, вблизи берега въ юго-западной окраинѣ Шаркіоя, въ купленномъ для этой цѣли у мѣстнаго грека фруктовымъ саду. На другомъ концѣ сада, въ такой же общей могилѣ погребены 98 жертвъ разныхъ возрастовъ и половъ мѣстнаго греческаго населенія, убитыхъ турками 27-го и 28-го января.

Потери турокъ не извѣстны, такъ какъ они закапывали или бросали въ море своихъ убитыхъ. Извѣстно, что двѣ большія лодки съ солдатами въ походномъ снаряженіи пошли ко дну отъ дѣйствія шрапнелей поручика Матова.

Македоно-одринское ополченіе оставалось на позиціяхъ до 30-го января, послѣ чего дружины были расквартированы по ближайшимъ городкамъ и селамъ, гдѣ оставались до конца «Освободительной» Балканской войны, т.-е. до середины апрѣля, вытерпѣвъ всѣ невзгоды голода и холода небывалой въ этомъ краѣ февральской суровой зимы.

«Русскій взводъ» былъ сердечно отпущенъ въ апрѣлѣ. Почти весь взводъ награжденъ знаками отличія ордена «За храбрость», за взятые имъ нѣсколько линій турецкихъ окоповъ у Шаркіоя. Кстати: мѣстные жители помнятъ русскія войска 1877—1878 гг. и съ удовольствіемъ рассказываютъ про то время. Не знаю насколько вѣрно, такъ какъ нигдѣ не указано, но старики рассказываютъ, что и русскія войска брали Шаркію и также имѣли нѣсколько сотъ убитыхъ при взятіи его.

Безенковъ.

